ФЕНОМЕН ЛАПА В СИСТЕМЕ КАРАКАЛПАКСКОЙ СМЕХОВОЙ КУЛЬТУРЫ: ГЕНЕЗИС И ПОЭТИКА

Бердимуратов Жеткербай

https://doi.org/10.5281/zenodo.18386674

Богатое устное наследие каракалпакского народа представляет собой уникальную систему жанров, в которой особое место занимают формы, основанные на находчивости, юморе и комическом восприятии реальности. В контексте культур Центральной Азии смеховая культура кочевников и оседлых земледельцев выступает не просто как средство развлечения, но как сложный социально-психологический механизм, обеспечивающий внутреннюю стабильность общества и сохранение исторической памяти в условиях отсутствия или позднего развития письменности. Каракалпакский лап, в узбекской традиции известный как «лоф», является одной из наиболее острых форм народного юмора, в основе которой лежит художественный вымысел и гипербола. Понимание природы этого жанра требует глубокого анализа его связей с анекдотом, ораторским искусством и древними мифологическими представлениями, а также сопоставления с аналогичными явлениями в мировой культуре, такими как американские небылицы или русские небывальщины.

Теоретические основы изучения народной смеховой культуры

Для глубокого понимания каракалпакских лапов необходимо обратиться к фундаментальным трудам, заложившим основы поэтики фольклора. Видный ученый В.Я. Пропп указывал на то, что смех в фольклоре обладает магической природой и тесно связан с представлениями о жизни и смерти. Смех в народном творчестве выступает не просто как проявление беззаботной радости, а как жизнеутверждающая сила, способная побеждать страх, неустойчивость и хаос. Пропп подчеркивал единство жанровой структуры и поэтики, где идеи, чувства и образы героев гармонично сочетаются с языковыми средствами, создавая целостное семантическое поле. Это особенно важно для понимания лапа, где единство структуры поддерживается постоянным диалогическим противостоянием участников.

В трудах М. Бахтина и Е. Мелетинского смеховая культура Востока рассматривается через феномен «площадного смеха», где социальные и духовные отношения переворачиваются, а привычные порядки нарушаются. В ситуации площадного смеха повседневные иерархии временно отменяются: понятия «начальник» и «подчиненный», «старший» и «младший», «священное» и «обыденное» меняются ролями. Это позволяет открыто обсуждать темы, табуированные в обычном дискурсе, смягчая критику власти или социальных несправедливостей через форму юмора. Однако, как отмечают исследователи, площадной смех не направлен на радикальный социальный переворот; он ограничен временем праздника или театрализованного представления, выполняя функцию временного восстановления социального равенства и снижения коллективного напряжения.

Природа и генезис каракалпакского лапа

Жанр лапа, часто называемый в народе «калп» (ложь), основывается на принципе, согласно которому народ не говорит неправды в корыстных целях, но использует преувеличение как эстетический инструмент. Исследовательница Д.У. Мехлиева определяет лап как комический жанр, возникший на основе острой гиперболы, где

действительность описывается через призму художественной фантазии. В отличие от сказки, где вымысел принимается как условие игры, лап чаще всего представлен в форме состязания-диалога, где каждый последующий участник должен превзойти предыдущего в мастерстве красноречивого преувеличения.

Генетически лап восходит к древним обрядам инициации. Мехлиева предполагает, что в основе жанра лежат архаические представления о «потустороннем мире», воспоминания о которых трансформировались в невероятные истории. В процессе эволюции лап утратил свой сакральный смысл и превратился в светское развлечение, однако сохранил древнюю архитектонику, построенную на диалогическом столкновении тезиса и антитезиса. Типичный пример каракалпакского лапа — диалог отца и сына, где отец рассказывает о гигантском соме в море, чей всплеск хвоста вызвал дождь, а сын отвечает, что брызги этого всплеска долетели до их дома и попали ему на лицо. В этом обмене репликами реализуется закон художественного масштабирования: субъект не отрицает фантастическую деталь, а локализует ее, тем самым увеличивая масштаб события.

Интеллектуальная природа лапа проявляется в том, что это не просто пустословие, а состязание умов. Лапник должен обладать не только воображением, но и логикой, чтобы вписать свое преувеличение в контекст, предложенный оппонентом. В каракалпакском фольклоре лапы часто касаются тем богатства, силы, плодородия земли или размеров домашних животных. Например, один утверждает, что под тенью его репы могут укрыться сорок всадников, а другой парирует, рассказывая о казане, в котором эту репу варят, настолько огромном, что по его краям нужно скакать на коне целый день. Этот механизм «перехвата инициативы» сближает лап с анекдотом и жанром аския в узбекской традиции.

Связь лапа с анекдотом и ораторским искусством

Анекдот в тюркской традиции, часто называемый латифой, представляет собой короткий прозаический рассказ с неожиданной и острой концовкой. Его цель — через юмор обнажить человеческие пороки или социальную несправедливость. Центральным героем каракалпакского анекдота является Омирбек-лаккы — историческая личность, ставшая легендарным воплощением мудрости и смелости. В отличие от Насреддина Афанди или Алдара Косе, Омирбек действует в специфической каракалпакской среде, противостоя местным баям и казиям.

Связь лапа с анекдотом проявляется в функциональном смешении этих жанров. Зачастую кульминация анекдота строится на приеме лапа — гиперболе. Однако, если лап фокусируется на самом процессе преувеличения, анекдот всегда направлен на конкретный социальный или этический результат. Жанровая диффузия позволяет лапу служить строительным материалом для анекдота, а ораторскому слову — включать анекдотические вставки для разрядки ситуации. Ярким примером является анекдот о курильщиках кокнара, которые в своем воображении превращают обыденные вещи в катастрофические события, например, принимая след теленка за знак «гнева божьего». Здесь лап выступает как средство сатирического разоблачения вредных привычек, уводящих человека от реальности в мир абсурдных фантазий.

Ораторское искусство (шешенлик) занимает высшую ступень в иерархии устных жанров тюркских народов. Это не просто красноречие, а форма существования права,

философии и истории. Шешены были не только мастерами слова, но и судьями (биями), способными разрешать сложнейшие межродовые конфликты силой убеждения. На первый взгляд, дидактический и нормативный характер шешенлика далек от релаксационного лапа, однако глубокое исследование показывает, что ораторы мастерски использовали иронию, парадокс и гиперболу для усиления своей аргументации. Прием «неожиданного поворота», характерный для анекдота, часто применялся биями, чтобы загнать противника в логическую ловушку и превратить его доводы в объект насмешки.

Подводя итог исследованию, можно констатировать, что каракалпакский лап является многогранным культурным феноменом, выходящим далеко за рамки простого «красноречивого вранья». Основываясь на теоретических концепциях В. Проппа и М. Бахтина, мы видим в лапе проявление жизнеутверждающей смеховой стихии, которая через временную отмену социальных иерархий и логических границ гармонизирует общественные отношения.

Генетическая связь лапа с архаическими обрядами и его эволюция в сторону интеллектуального состязания демонстрируют высокую адаптивность жанра. Тесное переплетение лапа с анекдотом (латифой) и ораторским искусством (шешенлик) подтверждает жанровую диффузию каракалпакского фольклора: гипербола служит инструментом социальной сатиры в анекдотах об Омирбеке-лаккы и становится мощным риторическим приемом в руках мудрых биев. Таким образом, каракалпакский лап сохраняет свою значимость как школа остроумия, логики и художественного мастерства, оставаясь живым свидетельством неисчерпаемой фантазии и духовной стойкости народа.

Adabiyotlar, References, Литературы:

1. Пропп В. Я. Поэтика фольклора (Собрание трудов). — М.: Лабиринт, 1998. – с. 124.
2. Бахтин М. М. Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса. Москва: Художественная литература, 1990; Мелетинский Е. М. Герой волшебной сказки. — М., 1958.
3. Пахратдинов Ю. Өмирбек лаққы ҳәм юмор-сатира мәселесине. — Нөкис: Қарақалпақстан, 1992. – 24-б.
4. Mexliyeva D. U. O’zbek folklorida lof va uning badiiy-estetik xususiyatlari: Filol. fan. bo’yicha falsafa doktori (PhD) diss. — Toshkent, 2024. – 14-15 бб.
5. Қарақалпақ фольклоры. Т. 77-87. – Нөкис: «Илим», 2014. – 423-б.
6. Раззоқов Ҳ. Ўзбек халқ оғзаки ижодида сатира ва юмор. — Андижон, 1968. – 88 б.